

Моим императрицам

BZ

[3-хинуклидинилбензилат]

*когда придет сезон
из леса выйдут боги хмеля и стыда
и уведут тебя с собой
поставят в ведьмин круг грибной
туда где папоротник цвел
где наступает паралич*

1

2000
ИЮЛЬ

Никто в семействе Смирновых и не думал, что приключится такое несчастье. Нет, Женечку всегда считали странненькой — совсем как бабушку, только бабулю так называли тихо и тайком: в конце концов, она работала и вдобавок получала пенсию, а совсем уж сумасшедшие не пашут в баклаборатории полный день и не приносят денег в дом. Про Женю, если случалась какая-то неловкость, мама так и говорила с приторной тоскливой жалостью: «Ну это же Женя». Или добавляла: «Смешная наша». Или: «С чудинкой, но это же не так уж плохо, Женечка, не думай. Зато ты умная». При этом посматривала на Женю краем глаза и просила других «не обращать внимания», хотя обращать внимание было не на что: обычный ребенок, среднее арифметическое всех выдающихся тихих детей. А уж что Женя устроит потом — какой стыд, какой позор на всю семью, в глаза не посмотришь людям.

Но пока Женя не знает, что же она устроит. Пока Жене шестнадцать, она отдыхает у бабушки на даче, сидит на дубе у калитки и кусает яблоко. Яблоко невыносимо кислое, хуже лимона: зеленоватое, в бородавках парши, размером с младенческий кулачок. Хотя удивляться нечему. На дачных болотистых сотках растет семь старых яблонь, и все они плодоносят совершенно одинаковой кислятиной.

Женя выплевывает откушенный кусок, бросает следом яблоко и остальные высыпает из карманов — те мелкой дробью падают в траву, — устраивается на мягкой от мха развилке меж ветвей. Дуб обнимает ее раздвоенной верхушкой, греет корой. Солнце пробирается через листву яркой мошкой, бежит по носу, ищет глаз. В траве у корней Женя замечает беззвучное движение, серую гибкую спину — соседский кот срезает путь через их участок. Вот он замедлил шаг, прислушался, готовый прыгнуть. Постоял немного, куснул щекотавшую его травинку, пошел дальше. А полуденный зной шуршит, жужжит, стрекочет. Басит шмель, задерживается у руки, будто обнюхивает, и Женя вспоминает, как схватила одного. Хотела погладить полосатое шерстистое брюшко, на вид волшебно мягкое, а шмель ее куснул. Тогда она была маленькой, конечно, но урок усвоила. С тех пор за всем красивым и желанным она наблюдает издалека.

Шмель летит с участка, уносится к остановке и магазину, описав золотистую дугу над головами идущих по дороге.

Наконец приехали.

Тетя Мила как будто и не менялась — немного раздалась вширь, конечно, нарастила плоть, но все еще Клаудия Шиффер с рекламного плаката. Обесцвеченные волосы начесаны в жиденький полупрозрачный объем, уже опавший. Раскрасневшееся на жаре лицо чуть опустилось, собралось за подбородком вялой складкой, сложилось заломами у рта, все равно красивое — неживой жестокой красотой.

Рядом Даша — тонкая девочка-пружинка младше Жени на три года, мягкий ободок на волосах, за плечами розовый рюкзак. Даша шаркает, поднимая дорожную пыль, и та липнет ей на шлепки, узкие ступни и алые лосины. Илья говорит ей прекратить, но Даша продолжает шаркать, глядит себе под ноги.

Илью единственного не узнать — он очень вырос, стал даже выше тети Милы. Он перешел в одиннадцатый класс, так сказала мама. Широкий в плечах, чуть угловатый, коротко, по-спортивному стриженный. Будто из детского тела, как из куколки, вылупился другой, взрослый человек.

До того Женя почему-то представляла, что придут дети, которых она помнила, которые с легкостью размещались с тетей Милой на чердаке на двух панцирных кроватях, хотя, конечно, она знает, что все выросли, что дети в принципе растут. Но теперь она не понимает: как они все будут жить ближайшие недели, весь тети-Милин отпуск? Теперь ей кажется,

что бабушкин дом стал им всем мал, особенно Илье. Кажется, что он будет цеплять плечами дверные косяки или темной макушкой потолок.

В каждой руке Илья несет по клетчатой тканевой сумке, натянутой изнутри чем-то угловатым. Но он не ставит их на землю, терпеливо ждет, пока Женя спустится с дерева и отопрет калитку.

— Привет, — говорит тетя Мила. Тушь ее растаяла на солнце, оставила черные засечки под бровями. — Сестра ваша, Женя.

— Ма, мы знакомы, — откликается Илья.

Голос у него шершавый, как дубовая кора, — тоже совсем не тот, что помнится, и Жене вдруг делается неудобно за свой комбинезон с выпачканными землей коленями, за выцветший, слишком обтягивающий топик с Лео, Кейт и носом затонувшего «Титаника». За свое тело, плотное, как батон докторской. Волосы стянуты в хвост — она знает, что ей так не идет, выглядывают «обезьяньи уши», как говорит ей папа. Женя тянется к резинке, но, спохватившись, опускает руку.

— Да, — говорит. — Вы приезжали.

— Ой гос-споди, сколько вам лет-то было, что там можно помнить?

Тетя Мила вручает Жене сумку-мешок из лакированной потрескавшейся кожи и пакет с черным силуэтом женщины в шляпе, под силуэтом подпись: *Marianna*. Она огибает Женю — Илья и Даша следом — и шагает по тропинке к дому, громко описы-

вая, что где устроено на участке: здесь были грядки с морковью, а теперь, смотрите-ка, крапива, заросло все, вот тут мы со Светкой, с вашей теткой, сейчас познакомитесь еще раз, вешали гамак, а там туалет, ходить по всем делам на улицу. Я тут часто отдыхала в вашем возрасте. Комарья было — жуть, здесь всегда столько комаров, помню, лежим мы со Светкой ночью...

Женя тайком заглядывает внутрь пакета с Марианной — вдруг торт к чаю, конфеты или печенье? Лаиля Ильинична, бабушкина подруга, всегда приносит «Птичье молоко». Но в пакете лишь махровое тряпье в цветочек, косметичка и что-то, завернутое в еще один пакет. Наверное, все вкусное — в сумках у Ильи.

А на веранде всех уже встречает папа, спрашивает, как доехали, не устали, и тетя Мила охает и жалуется на духоту в электричке, еле успели на нее, местá заняли на солнечной стороне, но уже было не выбрать, народу много, всё битком, тележки эти, и пьяная морда какая-то села рядом и давай заваливаться на плечо...

Папа кивает, слушая. Завидев Женю, машет ей: быстрее, не тащись.

— Это в дом? — спрашивает Женя о пакете и кожаном лакированном мешке.

— Ну а куда еще? К себе в комнату поставь, — отвечает папа и снова тете Миле с Дашей, улыбаясь: — Проходите, вот тут обувь, вот сюда, на полочку...

— Простите, что мы с пустыми руками, — говорит тетя Мила, послушно разуваясь. — Не успели зайти в магазин, Дарья хотела быстрее в туалет, вечером не вовремя...

— Ма-ам, — с укором в голосе отзывается Даша.

— Ничего страшного, ничего страшного... Вот тапочки, выбирайте, какие нравятся, вот здесь.

— И хорошо, что не зашли! У нас полно всего. — Из дома донесся голос бабушки. — Голодные?

— Конечно голодные, разогревайте, — отвечает за тетю Милу папа и увлекает ее внутрь.

Он не говорит — воркует. У него хорошее настроение, хотя с утра он нервничал, как и всегда перед приходом гостей. Мама с бабушкой больше молчали, готовили и убирались, а Женя взяла плеер и ушла на дуб. «Папа просто устал, нужно вести себя потише». Мама обычно говорит так — раньше говорила, — а потом уже и предупреждать стало не нужно: Женя научилась слышать раздражение, как собака слышит ультразвук. Нарастающую электрическую близость скандала — сейчас рванет или чуть позже?

Но теперь все тихо и спокойно. Безопасно.

Даша скидывает шлепки и заходит в дом, осматриваясь, как в опасных джунглях. Илья задерживается на пороге, бросает взгляд на сумку и пакет, протягивает руку:

— Давай отнесу.

Женя мотает головой, продолжает распускать шнурки, путаясь пальцами в петлях. Илья уходит,

остаются только запахи электрички, бензина, дезодоранта и порошка для стирки. Женя украдкой нюхает свое предплечье. Оно пахнет болячками, грязью и загаром, древесной корой, усыпано точками комариных укусов.

Она берет пакет и сумку и заходит в дом.

Женя терпеть не может семейные застолья. Всегда страшная суета, все носятся с едой, а Женя должна смотреть за пирогом в духовке, чтобы не сгорел, принести редиску с огорода, помыть ее, помыть посуду, поставить чайник, принести стул, блюдо, полотенце, помочь раздвинуть стол, не мешаться под ногами, показать гостям, где переодеться и положить вещи.

А после начинаются разговоры.

Женю сажают на табуретку рядом с теликом, и надо вести себя *прилично*, молча есть и слушать, изображая интерес. Иногда гости спрашивают дежурное «а как школа?», «кем собираешься стать?». И Женя отвечает «хорошо» и «переводчиком», а остальное за нее нетерпеливо дополняют папа с мамой. И снова слушает, примерно вот такое.

— Мы идем, я гляжу: а у вас кто-то сидит на дубе, — говорит тетя Мила со смешком. Этот смешок выскакивает откуда-то из ее межгрудья и шлепается на пол, не в силах взлететь.

Папа наливает «Очаковского» из баклажки.

— Ну это ж Женька. Вечно на дереве, как обезьяна.

— Как она вымахала! Крепкая девка.

Женя снова ощущает свое внезапно выросшее тело. Оно будто натягивает кожу, жмет в подмышках.

— Ума только никак не наберется, в школе тройбаны одни. Все в сиськи ушло.

— Юра! — говорит мама с укоризной. Потом Илье, с улыбкой: — Илья, будешь пирог?

А Жене очень хочется вернуться на дуб, в тенистую развилку между веток, в гущу листвы. Сидеть там, пока все не лягут спать.

Окружающие часто говорят о Жениной груди, как будто Женя сама ее не видит. Подчеркивают в разговоре, как Женя *выросла*, выразительно поднимая брови, хотя она совсем не обязательна, вот эта мимика с намеками.

Во-первых, Женины груди натягивают рубашечную ткань до скрипа, всё топорщится, и в образовавшиеся отверстия между пуговицами можно рассмотреть лифчик. Поэтому в школу Женя носит свободные вещи.

Во-вторых, в этих свободных кофтах и свитерах кажется, будто Женя целиком такая — огромная, как ее бюст. Или как попа.

В-третьих, когда Женя идет по этажу в школе или по улице — да где угодно, — весь мужской пол от мала до велика оглядывается, косится, пялится на нее, изучает ее ужасные уши, и рубашку-парус,

и конопушки, и полноватые (она мерила сантиметром) бедра, из-за которых Женья не носит короткие юбки. От стыда она хочет стать невидимой и после уроков бежит скорей домой, выбирая самую безлюдную окольную дорогу. И лишние разговоры о ее груди и о том, как *она* — кто? грудь? Женья? попа? о чем они все говорят? — выросла, ее не радуют.

— Дашуля, а тебе? Положить еще котлету?

— Я Дарья, а не Дашуля.

— Мила, а ты все там же?

— Да, прибавили зарплату немного.

— Как хорошо!

— Но навалили всего — уйма, дергают постоянно...

— Это, конечно, плохо.

— Но не слишком, ведь знают, что я — ценный работник. Кто еще будет так надрываться? Никто же, я одна такая...

— А может быть, шарлотки, Дашуль? Только из духовки, мягкая-мягкая!

— Я Дарья!

— ...А денег все равно нет. То Илье учебники, то Дарье новые штаны, сменку к школе, и мы же всё сами покупаем, никто не помогает.

— Очень тебе сочувствую! — говорит бабушка. — У Людки, у соседки с третьего, недавно сократили многих, и...

— ...А еще в родительском комитете хотят содрать больше, чем в том году, — продолжает тетя

Мила, не глядя на бабушку. Ложкой собирает налипшую на стенки салатницы зелень и выскребает себе в тарелку. Зеленоватый от огуречного сока майонез капает на скатерть. — И выпускной будет, некоторые мамы хотят вести детей в ресторан, а откуда остальные родители деньги возьмут, их не волнует.

— Почему в ресторан?

— Илья же теперь в английской школе, в Москве. Я была просто вынуждена его туда отдать, мне все учителя говорили: мальчик способный, не упустите момент. И наконец разряд получил. Все я! Все моими стараниями, Свет, понимаешь?

— Как здорово!

— Уж как я тренера просила позаниматься с ним подольше и взять на соревнования, Свет, ты не представляешь! Говорю: ну нет денег у нас, но мальчик вон какой, в школе при Финансовой академии на одни пятерки учится, только из-за этой школы и прогулял, катается в Москву каждый день, ну он же не специально, войдите в положение, я мать-одиночка, на мне два спиногрыза. Хорошо хоть Илья подрабатывает после уроков.

— Подрабатывает? Да что ты!

— Да! Помогает старикам из нашего дома, ходит за продуктами. Десятку-двадцатку дают, и то неплохо, нарезной батон взять.

— Какой же молодец, — выдыхает мама и, улыбаясь, нежно смотрит на Илью.

Илья же смотрит в тарелку, на котлету, которую аккуратнo разломал ножом и вилокoй. А папа яростно кивает, будто подтверждает тети-Милены слова.

— Женька в английской, — говорит он, — но бестолочь же, мы ей твердим-твердим, на курсы водим...

— Почему? У Жени всегда пять по английскому, — замечает бабушка.

Папа отмахивается: все это чушь.

Он это считает совпадением, не Жениной заслугой. Англичанка слишком добрая, так он говорит, ты мало занимаешься. Еще он с детства твердит, что английский — это престижно, он нужен везде, а значит, везде будет нужна и Женя как голосовой придаток.

Фоном бурчит телевизор, начинается дурацкая передача с двумя роялями и Минаевым в большом пятнистом пиджаке, для его пошива будто ободрали полторы коровы. Минаев представляет гостей — российских певцов, имена которых Жене ни о чем не говорят, да и в целом эта программа — тоска смертная. Ее любит бабушка, но сейчас она занята разговором, держит хрустальную салатницу, предлагает оливье, пытается поладить с насупившейся Дашей и тетей Милой.

Покосившись на Илью (ему, должно быть, тоже скучно), Женя находит пульт за блюдцем с нарезанной колбасой и переключает на МУЗ-ТВ, где

«Моджо» поют про леди и танцы в лунном свете, а двое полуобнаженных парней и девушка мокнут под душем. Женя видела этот клип раз сто, наверное, и знает песню наизусть, но смотрит снова, пристукивая ногой по ножке стула. Когда дома нет никого, она танцует под эту песню, глядя на свое отражение в полированной дверце шкафа.

Отец недовольно глядит через плечо на телевизор, и мама тут же говорит:

— Жень, выключи, мешает.

Женя выключает. Становится тоскливее вдвойне. Полуденно жужжат осы. Привлеченные вареньем, они залетают в дом и вязнут лапками на крае блюда, бьются в оконное стекло. Одна оса трепыхается в мятом кружеве занавески, приглушенно жужжит. Еще одна ползет по носику электрического самовара, похожему на кривое копытце. Бабушка достает его каждый раз, когда приезжают гости, хотя пить из него невозможно — из-за накипи у воды странный вкус.

Женя изучает высокий гладкий лоб Ильи, точку родинку на шее. Волосы вроде бы темные, но там, где падает солнце, они светлеют, приобретают золотистый перелив. На вид мягкие, будто шерстка у шмеля. Илья ест все, что предлагают, ловко орудует вилкой и ножом. Чуть сощурился прозрачные, как талая вода, глаза, он рассматривает салатницу и хлебную плетенку, тарелку с щербатым краем и широкой голубой каймой, потолок, ковер с оленями на

стенке, липкую ленту с бусинами дохлых мух, папу, маму, тетю Милу, Женю. Женя запоздало опускает взгляд, ковыряет остывшее пюре. Выждав немного, снова смотрит — уже безопасно, не на лицо: загорелая ключица в вырезе футболки, рукав обтягивает бицепс, широкие ладони и длинные пальцы с крупными суставами, на запястье короткий шрам, как будто кошка цапнула когтем.

Ничего общего с мальчишкой с плеером из девяносто пятого.

2

1995
АВГУСТ

Никто в семействе Смирновых и не думал, что приключится такое несчастье. Все же нормально было. Женя много и запойно читала, не капризничала, знала, что денег в семье нет, не требовала Барби, хотя в фирменном магазине рядом с «Детским миром» их было во-от столько: невеста и русалка, с собачкой и коляской, блондинка и брюнетка, и дом для Барби тоже был, из розовой пластмассы, при взгляде на который во рту тут же возникал вкус жвачки. Дом стоял на витрине, раскрытый на двухэтажные половины, и Барби устраивали в нем семейную жизнь — точнее, лишь одна из них, ведь Кен был у них всего один.

Мечтала Женя тоже о простых вещах: построить бабушке в деревне двухэтажный дом, такой же, как у Барби: с широкими кроватями, кухонным гарнитуром и гардеробом с кучей платьев. Не сейчас, конечно, а лет через двадцать, когда найдет Женя рабо-

ту в крупной фирме и будет переводчиком с английского.

Раз в месяц они с бабушкой катались на троллейбусе, по прямой до центра. Садись на девятый и ехали до Мясницкой, где располагался книжный магазин. Он занимал два этажа здания кремового цвета, похожего на многослойный торт, по соседству со зданием органов госбезопасности. В том магазине бабушка оставляла половину пенсии, доверяя Жене выбирать что угодно — обычно детские детективы и фантастику. Потом они снова садились в троллейбус, на жесткие скамьи, обитые коричневым кожзамом, и ехали обратно. Купленное они прятали под кроватью — безуспешно, до первой маминой уборки, — и мама выговаривала бабушке, ведь на еду им тоже нужно, и Жене на тетради, и папе на ботинки. «Юра может купить себе ботинки сам, не маленький», — отвечала бабушка, подмигивала Жене и удалялась в комнату.

Раньше у бабушки была своя квартира, однушка на «Рижской», с видом на прятничный бело-голубой вокзал. Женя помнила стены в полоску, пергаментный запах пыли, старых бумажных обоев, приклеенных на газеты, и книг — хотя книг нигде не было видно, они стопками лежали на антресолях в коридоре. Бабушка продала квартиру и отдала деньги кому-то по имени МММ, желая заработать вдвое больше. Хотела разменять однушку на двухкомнатную, Жене в приданое. Мама показывала

Жене этого МММ по телевизору. Он оказался губастым мужчиной в очках, которого уводили милиционеры.

Когда главный офис МММ накрыл ОМОН, бабушка пыталась обменять пачки розовых «мавродиков» на деньги, на какую угодно сумму. Они с Женей толклись в длинных злых очередях, где все время кто-то тихо плакал, потом бабушка стояла с плакатом в поддержку того губастого мужчины — не по любви, а в надежде вернуть свои кровные. Но ничего не вышло. Деньги, изъятые у МММ, отправились в казну, а бабушка и другие вкладчики остались с плакатами и пачками «мавродиков». Вкладчики возмущались — тихонько, из последних сил, помня, что возмущаться громко не положено и в принципе опасно, — и разошлись самостоятельно решать свои проблемы.

Так бабушка со своим перманентно завитым пухом седых волос, куцым пальто, сереньким беретом и обязательным набором гжели (конфетница, селедочница, статуэтки) переехала к Жене и ее родителям в просторную квартиру, доставшуюся от бабушки-профессора. И Женя была рада больше всех, ведь бабушка помогала ей с уроками.

Учиться Женя старалась хорошо. Совсем на отлично по всем предметам не выходило: дома она никак не могла сосредоточиться, все ждала щелчка двери, когда та распахнется, и быстрого тяжелого шага со спины. Отец выхватит тетрадь из-под руки, при-

смотрится к написанному и скривится. И Женя будет думать: «Что? Что на этот раз не так? Что упустила?» «Почему здесь десять?» — спросит он с нажимом, и Женя тут же все забудет, даже родную речь. А отец, он мог объяснить, конечно, но сперва кричал, раздувая ноздри и нависая сверху: «Стыд и срам! Позор не знать такое, бестолочь! Проституткой хочешь стать? На рынке торговать?»

Женя не понимала, что плохого в том, чтобы торговать на рынке, — папа же торговал. Раньше у него была работа в армии, правда, Женя это плохо помнила, только форму, которую он наглаживал во время просмотра вечерних новостей. Теперь же они с мамой арендовали точку на местном рынке и по очереди там стояли, торговали колготками, справедливо решив, что колготки нужны всем и всегда, почти как английский. Поэтому вся квартира Смирновых была заставлена коробками: сотни стройных ног черного, белого, телесного цвета и цвета загара, матовые и с блеском, плотностью сорок или двадцать ден — в этом Женя научилась разбираться с малых лет. Миллионов родители, конечно, не зарабатывали, отстегивали там и сям, чтобы иметь возможность работать, но и не бедствовали.

Так что же здесь плохого?

Но произнести это, повторить отцу в лицо Женя не могла. Жгучий стыд отзывался, поднимался кислотой к горлу, не давая всхлипнуть, путая все мысли, сплошной гул в голове до той поры, пока

отец не выходил, хлопнув дверью. Иногда мог треснуть по макушке, и гул катился дальше по телу, до самых пяток: бом-м-м.

Потом в комнату прокрадывалась бабушка и объясняла: смотри, Женечка, вот здесь ты же делила, да? А глянь на условие теперь, что там написано во второй строчке? И задача как-то складывалась, оказывалась совсем простой.

Когда Женья спросила, кто такая проститутка, бабушка сперва выяснила, где Женья это услышала, а после сказала пару нехороших слов, которые не стоит повторять, и велела забыть об этом навсегда. Мама же ответила, что папа желает ей добра, он хочет, чтобы Женья хорошо училась и поступила в институт. Нужно терпеть. Женья старалась и терпела. Но каждый урок математики она терялась, не могла вспомнить, что дальше делать, повторить то простое, что они с бабушкой решали дома. Нужные мысли не пробивались через стыльную пелену тревоги, голову наполнял туман и раскатывалось эхо: стыд и срам-м-м-м, и казалось, что учительница вот-вот подойдет и ка-ак треснет по Жениной голове, а после скажет папе, что позор иметь такую дочь.

Стыд-и-срам приглядывал за Женей, как темный властный бог, ждал за углом и выбирал момент для главного удара. И привели к нему двухтысячный, две тысячи четвертый и уж точно две тысячи пятый — все они стали чередой падений Жени в собственных глазах и глазах тех, кто *знал*.

Но начало неотвратимому положил, конечно же, девяносто пятый.

В девяносто пятом Женя получила первую похвальную грамоту — за активное участие в жизни школы. На утреннике перед Первым мая она сыграла Колобка. Помадой ей намазали на щеках два румянца, на грудь повесили огромный круг из желтого картона, на котором бабушка нарисовала лицо — два глаза и улыбка. Женю за этим кругом почти не было видно, он был тяжелый и неудобный, руки затекали его придерживать, но Женя терпела и тараторила вызубренный дома текст. Косилась на бабушку в первом ряду: нравится, нет? Бабушке, ясное дело, нравилось, она кивала в такт строкам и губами повторяла: «Я по ко-ро-бу скре-бён, по су-се-кам я ме-тён!» Молодец, сказала ей потом.

Еще всем классом пели «Крылатые качели», и Женечка стояла впереди и пела громче всех, как же они летят, эти качели. И представляла, как на них захватывает дух.

В конце утренника Женя плясала. Ее нарядили в сарафан, поставили в центр, в первый ряд, и здесь она уже не стеснялась. Ей нравилось танцевать, будь у нее возможность, она бы танцевала целый день под радио «Европа Плюс». Когда ей было пять, ее даже записали в балетный кружок, но быстро оттуда забрали: не хватало времени на

изучение английского. А танцы что? Танцы — это баловство, так сказал папа, плясками на жизнь не заработаешь, учи английский. И мама смеялась: «Балерина? Ах, смешная Женя! Положить тебе еще котлету?»

Ей написали на роду: переводчик, внесли в соответствующую графу в личном деле при рождении, и все детство Жени было выстроено в соответствии с этой графой. Английский Женя и в самом деле схватывала на лету, но удовольствия от него не получала и танцевать не прекратила, просто научилась делать это тайно. Оставшись в комнате одна, она кружилась, прыгала и задирала ноги, подражая танцорам из балета «Тодес», увиденным в «Утренней звезде».

Потом началось лето со звонкими бронзовками, которые стучались о стекла и падали на спины, дрыгая ногами, лето с бабушкиными пирожками — с яйцом и зеленью, с прозрачными, будто карамельными дольками яблок, с картошкой и укропом, какие хороши лишь теплые, сразу из духовки. Тогда бабуля еще была крепка, как Женин дуб, который рос у калитки. Ее хватало и на пироги, и на огород. «Есть что-то надо, Женечка», — говорила она, приподнимая запотевшую пленку, из-под которой вырывался раскаленный влажный воздух, и поливала из неподъемной лейки лианы огурцов.

На соседнюю улицу приехала внучка Лаили Ильиничны, бабушкиной подруги. Внучка была постарше Жени, слушала «На-На» и все время спра-

шивала, кто больше нравится: темненький или светленький. Жене не нравился ни тот, ни другой, ни остальные двое, и песни их тоже, честно говоря, не нравились, но она поддакивала и всегда кого-то выбирала. Хотела, чтобы за ней заходили чаще, чтобы угощали сладким апельсиновым «Тик-Таком», хотела рассматривать девочкины платья и наглаженные хлопковые комбинезоны, пахнущие стиральным порошком (а не хозяйственным мылом, как пахли Женины вещи), красивые заколки, духи и тонкие серебряные цепочки на девочкиной шее и девочкиных запястьях. Все это казалось донельзя утонченным, из другого мира Женственности и Богатства, совсем не для Жениных рук в царапинах — о нет!

Потом девочка уехала — однажды просто перестала заходить. Лаиля Ильинична, не отвлекаясь от прополки грядок, сообщила, что внучка «больше не приедет», имя уже к августу выветрилось из Жениной головы, и на даче стало совсем скучно.

А в августе Женя познакомилась с Ильей.

Он сидел на заднем сиденье похожего на ракету серебристого «мерседеса» со значком-прицелом на бампере и смотрел куда-то в пустоту, мимо Жени, сквозь бабушкин дом, забор и лес, а тетя Мила парковалась, двигала машину взад-вперед по пяточку у ворот, укатывая крапиву с лопухами. То ли отыскав наконец точку равновесия, то ли устав, она заглушила двигатель, вышла, шарахнув дверью, и стала раз-

грузить багажник под модную долбежку из салона. Женя узнала песню и в восхищении подошла поближе, желая поздороваться. Обычно взрослые сами ее замечали, улыбались и спрашивали, не она ли — та самая Женечка, о которой столько говорили бабушка и мама. Но тетя Мила лишь скользнула по ней взглядом и вернулась к пузатым пакетам, которых становилось на траве все больше. Яркая, с начесанным кардинальным блондом, она будто выпорхнула из телевизора, из казино «Метелица».

Собственно, именно в «Метелице» тетя Мила и проводила время. Никто не знал, как бывшая модель и мать-одиночка вдруг встретила Дашиного папу, качка из Люберец, и как он вдруг сумел разбогатеть, но бабушка иногда шептала маме, что все это опасно для Милы и детей, а Женя не понимала почему. Еще Женя знала, что тетя Мила — тоже бабушкина дочка, как и мама, но они с бабушкой давно поссорились и перестали разговаривать; что первый муж тети Милы был нехороший человек, слава богу помер, и второй, даст бог, помрет, господи прости. Но ей было все равно по сути, что за Милу бабушка и мама все время обсуждают. До лета девяноста пятого тетя Мила оставалась далекой и никогда не виданной, персонажем подзабытой сказки, о котором вспоминали каждый раз, когда электричка проезжала Люберцы.

Выгрузив пакеты, тетя Мила закурила, ожидая, когда папа подойдет помочь. Папа таскал сумки, а она шла

рядом, протыкая каблуками землю, и громко, с ощутимым гневом рассказывала о баране, который ее подрезал на шоссе, и о еще одном баране, который остался дома, хотя она сказала ему собирать манатки и катиться вон. «Его посадят, блин, а мне что, ждать его?» — сказала, а папа велел ей помолчать, кивнув на Женю. Удивительно, но тетя Мила послушалась, затушила сигарету о сосну и зашла в дом.

Из машины выбрался Илья во взрослых темных очках и с плеером, за ним восьмилетняя Дарья (не Дашка и не Дашуля, она сразу дала всем понять) с короткой тугой косичкой. Красный спортивный костюмчик с Микки Маусом на груди будто сняли с другой девочки постарше, тонкие Дашины пальцы едва выглядывали из манжет. Одна штанина подвернута, другая развернулась, касалась земли и в том месте уже была черная. Оглядевшись, Даша сморщила нос и спросила, когда они поедут домой. Илья сказал «привет» и предложил Жене половину подтаявшего «Баунти».

Он похож на принца из диснеевской «Русалочки», думала Женя, слизывая с пальцев шоколад. Ловкий, улыбчивый и смелый — залез на дуб за Женей, хоть тетя Мила и кричала, чтобы он спускался и не рвал джинсы. Им нравилось одно и то же: самолеты, ряженка и тот самый «Эйс оф Бейс». У Жени не было ни плеера, ни магнитофона, только бабушкино радио на кухне, которое она выкручивала на «Европу Плюс» и слушала, как ведущие гоня-

ют по кругу одни и те же хиты. Но у Ильи были свои кассеты с «Эйс оф Бейс» и «Арми оф Лаверс», настоящие, купленные в магазине, а не записанные поверх чего-то с радио. Вечером они пошли гулять по улице взад и вперед — недалеко, до зеленого дома, который показала бабушка, — и Илья дал Жене один наушник. Тот все время выскакивал из уха, и приходилось идти близко, с равной скоростью, при этом соприкасаясь плечами, как идут солдаты на параде. Женя умудрялась пританцовывать при этом, чем очень смешила Илью.

На Дашу наушника не хватило, после чего она надулась, сказала, что все расскажет маме, и ушла в дом на второй этаж. А Женя с Ильей все ходили-танцевали, соединенные наушниками, как стельком, и говорили о комиксах и новой книге про Нэнси Дрю, о мультиках и тамагочи, о том, как Илья занимается стрельбой, и он казался очень крутым, даже круче внучки Лаили Ильиничны. Женя и не думала, что с мальчишками может быть так интересно. Когда батарейки в плеере начали садиться, музыка замедлилась, а голос певицы понизился до тягучего мужского баса, Илья показал Жене фокус. Он нажал «Стоп», затем опять «Плей», но не до конца — придерживал, чуть отпустив, — и музыка заиграла веселее, изредка срываясь на быстрый визг, когда уставал и подрагивал палец. Потом они случайно раздавили шмеля — тот полз по обочине дороги, и Илья расплакался. «Чего ревешь, не мужик,

что ли?» — сказал проходящий мимо сосед дядя Митя, цыкнув зубом.

Тетя Мила и бабушка много спорили на кухне. Тетя Мила говорила громко, с матюками, а бабушка отвечала ей свистящим шепотом, но Жене, стоящей в дверном проеме между кухней и гостиной, все равно было слышно.

— ...Ты же видела, как он надо мной издевался. Чего молчала?

— Он желал тебе добра, Мила. Он хотел, чтобы ты хорошо училась и не гуляла.

— Мама, он мне все мозги выебал из-за троек...

— Не выражайся, тут дети.

— ...Желал он добра, как же, держи карман шире. Не надо мне сейчас рассказывать. И на могилки ни на какие не поеду, понятно? Тебе надо — ты и езжай. — Тетя Мила вдруг повернулась к Жене. — Дарья сидит наверху, плачет, говорит, вы с Ильей ее играть не берете. Позови ее, она же младше вас, младших не надо обижать.

Не найдя, что ей ответить — никто Дашку не обижал, она сама обиделась и не хотела выходить, — Женья молча ушла к себе, как делала, когда папа сердился. Но все же слышала, о чем шла речь: стены в доме были тонкими и не предусматривали интима.

Тетя Мила сказала, что у Жени сложный *необщительный* характер. С таким, заметила она, ей в жизни будет очень сложно, хоть она и умная у вас.

Такая вот, вздохнула мама, не обращай внимания, и Жене вдруг стало стыдно за свой необщительный характер. Ей захотелось изменить его, как гадкое врожденное уродство.

Я-то не обращаю, сказала тетя Мила маме, но потом, вот поверь мне, жизнь ее поломает, и не таких ломала. Надо с этим что-то делать. Кстати, Илья у нас лучше всех в классе учится. Столько друзей к нему на день рождения пришло, еле прокормили ораву.

Да что ты, какой он молодец, донесся мамин голос, и Жене остро захотелось, чтобы о ней говорили так же, с нежным придыханием. Разве она хуже? По английскому она вообще отличница.

Желая доказать им всем, Женя даже не стала танцевать, когда из телевизора в гостиной запел Леонтьев, а раскрыла прошлогодний «Хэппи Инглиш» цвета кумача — папа привез учебники на дачу, хотел, чтобы Женя подтянулась, — и стала зубрить первый попавшийся текст, что-то про собаку.

Но вскоре в комнату заглянул Илья, предложил залезть на дуб, и Женя пошла с ним, нарушив собственные планы, как делала впоследствии не раз.

Тетя Мила не умеет выбирать мужчин. Об этом Женя тоже узнала в девяносто пятом.

Вечером были шашлыки. Приехали друзья родителей на новенькой «Ладе Самаре», выносили тазы со свиной в маринаде, насаживали скользкие куски

на шампуры. Хлопало шампанское, крышки от пивных бутылок прокатывались по столу и падали в траву, туда же падали окурки, и их размазывали подошвами ботинок. Бабушка ушла спать. Мама суетилась, таская туда-сюда тарелки. Женю, Илью и Дашу отправили домой играть. Игры втроем не задались: Даша хотела играть в одно, Женя и Илья — в другое, снова обиды, крики, и в итоге они все выбрались обратно в сад. К тому времени уже стемнело, в саду гремел магнитофон — Буланова, Леонтьев, Цыганова, — горел костер, вокруг которого плясали человеческие тени, а тени лесные то откатывали, убегая в непривычке прочь, то стекались к мангалу, поедая шашлык. Во тьме скакал хохот, кто-то пискал на дерево за верандой.

Тетя Мила танцевала, держа початую бутылку пива на отлете. Она улыбалась, и улыбка вдруг вдохнула жизнь в ее лицо. За талию тети Милы цеплялся папин холостой приятель, в пьяном восхищении шептавший: «Изабелла! Тебя должны звать Изабелла...» Был он не очень-то симпатичным, походил на зубастенького из «На-На» и немного шепелявил, но тетя Мила слушала его благосклонно и даже позволяла его ладоням сползть с талии на попу. Возле нее и мужичка крутилась Даша, она все ныла:

— Мам, когда мы поедем обратно? Мам, я не хочу тут ночевать.

Тетя Мила отвечала, что через пару дней, потом просто отмахивалась — сколько можно повто-

рять? — ей нужно было еще «по маленькой» и перекур, и Даша совершенно скисла. Папин приятель вдруг подхватил ее и стал кружиться, Даша верещала, кричала «мама, помоги!», дрыгала ногами, Алена Свиридова пела, что «никто никогда, никто никогда не любил тебя так, как я-а-а...», а тетя Мила подпевала, манерно вытягивая губы.

Еще тем вечером Женя впервые попробовала колу — настоящую, а не приторную подделку в мягком пластике. Илья стащил ее с родительского стола в саду, забрался с ней на дуб, и Женя потом долгие годы помнила бугристые холодные бока под пальцами и колкие пузырьки на языке. Они щекотали нос, потом из бутылки полезла пена, и Илья торопливо ее съел, накрыв ртом.

«Никто и ни-ко-гда», — снова запела Свиридова, песню запустили на десятый круг, и что-то в дубовой листве отозвалось, зашелестело.

Утром взрослые походили на осенних подмерзших мух. Помятые и бледные, они с осторожностью передвигались по дому, культурно интересовались, когда бабушкин папа построил этот дом, кем он работал, ах, тоже врачом, да что вы говорите, а у нас отец был редактором газеты в Волгограде, а я учителем работаю, а здесь у вас шиповник, что ли, или кустовая роза? После завтрака все тихо покурили на крыльце и разъехались, захватив папу — ему нужно было в Москву, на точку завезти товар.

Тети-Милин ухажер тоже уехал, прежде покрутившись возле «мерседеса» и рассказывая что-то о карбюраторах и лошадиных силах. Тетя Мила утомленно кивала, даже не пыталась делать вид, что ей интересно, а потом ушла в дом, не дожидаясь, когда все рассядутся по машинам.

Стало тихо.

По телевизору показывали октябрь девяносто третьего: Останкинскую башню и здание телецентра. Все было непонятно и неинтересно, ведущий рассказывал о каких-то «красно-коричневых», хотя ни красных, ни коричневых Женя в телевизоре не видела, только черный дым и выстрелы. Интересно стало, лишь когда показали колонну военных грузовиков и БТР — Женя узнала проспект Мира.

Она помнила тот день. В девяносто третьем бабушка забрала ее из ДК, где Женя по воскресеньям занималась английским. Но стоило им подняться из подземного перехода, как бабушка, охнув, загнала Женю обратно — та успела увидеть лишь грузовики на опустевшем проспекте, демонстрантов, которые сидели в кузовах, выглядывали из-под тентов, шли рядом, и все это походило на парад в честь Дня Победы.

Наверху происходило какое-то волнение, доносились крики, что-то грохотало, люди сбегали по ступеням в переход и замирали, прислушивались. Жене страшно не было, только любопытно. Через

несколько минут ожидания в тесноте бабушка вывела ее наружу и быстрее повела домой. Колонны на проспекте уже не было.

Женя и не знала, что в двадцати минутах езды, в центре была стрельба и взрывы. На следующий день она пошла в школу как обычно, только провожал папа. Всю неделю он сам отводил ее и забирал, а дома мама говорила, что, слава богу, он уволился, какое счастье.

Тетя Мила переключила канал. Женя сказала, что видела те военные грузовики на проспекте Мира, но ей почему-то не поверили. Мама с тетей Милой смотрели на нее, улыбаясь, как будто это была попытка обмануть, причем невозможно глупая.

— Смешная выдумщица ты у нас, — сказала мама и погладила Женю по голове.

Даша и Илья засмеялись, подхватили: «Смешная! Смешная выдумщица!» И бабушка куда-то вышла, как назло, некому было подтвердить, что это правда. Поэтому Женя просто умолкла и даже надулась ненадолго, пока Илья не принес тетрис.

А потом приехал дядя Алик, тети-Милин муж, и все забыли и о девяносто третьем, и о путче.

Кто-то протопал по веранде, дверь вдруг распахнулась, грохнула о кухонный стол. На пороге стоял крупный мужчина — даже выше папы, — полный ленивой силы, с бритой, вросшей в плечи головой.

Спортсмен, наверное, ведь он был в спортивном костюме с белыми полосами на штанинах.

— Милка! Я дома! — Он чуть покачнулся, но устоял на ногах. — Не ждала, бляди-ина?

Тетя Мила, бабушка и мама вскочили, а дядя Алик, оглядевшись, ухватил со стола огурец и с хрустом его умял. Схватил чайник, присосался к носику, только кадык вверх-вниз ходил по шее. Бросил чайник обратно на плиту. Заулыбался, увидев, как все всполошились.

Даша ничуть не испугалась, но Илья мигом утянул их с Женей на второй этаж. Там он сел на кровать, поджав губы, неотрывно глядя на лестницу. А внизу звенели крики, мат, удары и стекло, и тетя Мила кричала странным высоким голосом, казалось, она вот-вот захлебнется воздухом. Потом поднялась бабушка с ворохом одежды, велела быстро собираться, и спустя полчаса они уже летели в электричке в сторону Москвы. Мама осталась с тетей Милой и пьяным Аликом, и Женя все смотрела из окна, думая о ней. Успеет ли к ужину? Бабушка хотела приготовить блины, а они ведь вкусные, когда горячие, блестящие от масла. И было еще что-то тревожное, ворочалось внутри, но что именно, Женя так и не поняла. Нечеткое, как размытый августовским туманом лес, ощущение, что все они — бабушка, Илья, Даша, Женя — чем-то провинились вдруг, раз им пришлось уехать.

Тетя Мила не умеет выбирать мужчин, так сказал папа. Все же хорошо, он так сказал, когда растрепан-

ная, белая от напряжения мама вернулась с дачи. На- жрался мужик, бывает, просто не надо Милку к нам приглашать. Ты что, не знала, чем все закончится? Дети у нас пока побудут, а эти там сами разберутся, Света, не накручивай себя. Ничего он ей не сделает.

Милицию они не вызывали и заявление не пи- сали, даже мысли не было такой. «Милиция тут что поделает?» — сказала бабушка.

Мама молча срывала с себя одежду, будто та жгла ей кожу. Набросила махровый вытертый халат с крюч- ка за дверью, что-то ответила, тихо и не очень уве- ренно, — что именно, Женя не смогла подслушать, потому что бабушка выпроводила ее в другую ком- нату к Даше и Илье. Даша к тому времени уже копа- лась в коробках с колготками, хрустела пластико- вой упаковкой. Илья рассматривал книги на полке над кроватью. И вроде все было в порядке, но Женю не покидали беспокойство и тревога. Казалось, что с минуты на минуту входная дверь грохнет, распах- нувшись, и в квартиру ворвется тети-Милин Алик, пьяный, с криками, и будет драться с папой.

В тот август Женя понял, что безопасности не существует и частной собственности тоже нет. В лю- бой момент может вломиться кто угодно, бить ме- бель, угрожать, и единственное спасение здесь од- но — бежать.

3

2000
ИЮЛЬ

Иногда к Лаиле Ильиничне приезжает дочь, и Женя сразу понимает: ей перепадет шмотье. Плохо скрывая ликование, она гуляет мимо последнего в переулке, рядом с лесом, Лаилиного дома, просторного, сумрачного, всегда укрытого тенью растущих на участке елей. Женя высматривает белый внедорожник дочери — стоит еще? Гадает, что будет в пакете, представляет: может, юбка? блузка? футболка или брюки, в которых можно в школу? Она никогда не спрашивает, чье это — дочери, внучки или же самой Лаили. Однажды вытащила из пакета знакомый темно-зеленый хлопковый комбинезон, выглаженный и пахнувший стиральным порошком. Женя пока его не носила, он висит в шкафу до особого случая, который на даче все никак не представляется. Когда-нибудь она его наденет, причешется, найдет серебряную нить браслета и поедет куда-нибудь, например в сельский клуб в соседнем поселке.

В деревне Лаилю Ильиничну лишний раз не беспокоят. Только Женина бабушка может заходить без стука. В любое время суток она поднимается по скрипучим, выкрашенным в темно-коричневый ступеням под резным изображением совы, заглядывает в дом и что есть сил кричит туда: «Лаиля!»

С Женей Лаиля Ильинична ведет себя не как прочие старушки: не охает, как Женя выросла, не сюсюкается, и раньше если и подкармливала конфетами, то не совала их в карманы, а между делом придвигала вазочку, ждала, когда Женя сама соблазнится. С самого детства она спрашивает, кем Женя станет, когда вырастет. Выслушав ответ (танцором, учителем, переводчиком), Лаиля Ильинична как следует его обдумывает и выдает: «Тебе нужно в педагогический институт в Москве». Или: «Переводчики, которые знают не только английский, более востребованы», вручает Жене пахнувший сырым картоном русско-итальянский разговорник с желтыми страницами и меленькими буквами, и Женя послушно зубрит *scusi* и *per favore*, представляя, как через несколько лет — казалось, много, очень много лет — она поступит в Мориса Тореза, который нравится отцу. А потом...

Все, что потом, заливают нестерпимо яркий свет и тепло, огромный жаркий взрыв свободы и кипучей жизни, Женя танцует в нем, смеясь, и пахнет морем, «Баунти» и духами «Шанель». Она видит себя с коротким блондом в машине или на пляже

в Турции. Как в глянцевах статьях об успешных женщинах, их заработках, машинах, платьях и косметике. Как женщины в Москве, которые выходят из «мерседесов», утянутые брючными костюмами, с темными очками на лице и целеустремленно цокают каблуками по проспекту Мира. Их все время кто-то хочет слышать, и мобильные (величиной с ладонь) трезвонят на разные лады. Все для тебя одной, говорят Жене те статьи и женщины. Все будет заработано тобой. Ты будешь успешным переводчиком или журналистом, а потом откроешь бизнес, купишь себе отдельное жилье, будешь водить машину, встречаться с мужчинами в ресторанах, плясать на дискотеках. Ты съездишь в Милан и Рим, Нью-Йорк, Мадрид. И впереди вся жизнь.

Поэтому *scusi, per favore* и английский, поэтому прогулки в центре, вдоль витрин на Тверской, мимо «Интуриста» и здания «Известий» с огромной надписью *Martini* наверху. Когда Женя смотрит на нее, она представляет сладость шоколада на языке и тяжесть полного бокала. Или же щелчки клавиатуры и тяжесть диктофона, «быстрее в номер!» и запах типографской краски. Или диктофон в одной руке, а в другой бокал мартини, почему нет. Пить в той красивой жизни она будет только дорогой алкоголь, ведь все успешные взрослые пьют дорогой алкоголь. Например, виски в пузатых бокалах без ножки, как в фильмах. А курить Женя будет дамские сигареты-зубочистки с ментолом, иногда вечерами за работой,

не отрываясь от экрана монитора, вдавливать фильтры в пепельницу.

Наконец внедорожник исчезает. Женя гуляет еще немного, выжидая. И вот Лаиля Ильинична уже машет рукой с крыльца.

Дом ее похож на шкатулку со множеством отделений. Снаружи деревянный, с резными ставнями, внутри узкий, выстланный коврами, задрапированный занавесками. Сразу с порога большая комната с круглым, накрытым белой хлопковой скатертью столом, на котором всегда стоит вазочка, а в вазочке всегда есть печенье и конфеты. Рядом срезанные кустовые розы. Но пахнет не цветами и не хвоей, а всегда духами: тяжелой сладостью амбры, ванилью, карамелью, пралине и фруктами. А дальше сумрачный коридор и четыре двери цвета шоколада: одна ведет в туалет, остальные плотно прикрыты, и Жене никогда не удастся заглянуть — что там, за ними? Она представляет кружево занавесок, большую кровать, на которой мягкими, чуть отсыревшими холмами лежат подушки, набитые пером, теплое одеяло и шелковый халат, расшитый птицами. Родственники в тусклом серебре фото-рамок. Абажур с бахромой. Потертые чемоданы на шкафу, а в них граненые флаконы прогорклых духов, фигурки из слоновой кости и прочие сокровища, которые Лаиля везла из-за границы, когда ее муж был советским послом.

— К вам Мила приехала? — спрашивает она между делом, наливая чай. Чай — обязательный ри-

туал, как и новости. Без чая и новостей шмотья не будет.

Женя кивает, посматривая на пакет. Пакет довольно большой, плотно набитый, а значит, внутри много всего. Что же, что же там?

— Надолго она?

Женя пожимает плечами. Мама сказала, что на неделю, бабушка — что на две, сама тетя Мила еще ничего не говорит, а только жалуется на неудобную Женину кровать.

Лаиля Ильинична тоже молчит, постукивает перламутровым ногтем по перламутровому боку чашки.

— Придется потерпеть, — говорит наконец и придвигает Жене пакет.

Заглядывать пока нельзя, но видно сверху что-то голубое и блестящее, вроде бы из сатина. Жене с ее карими глазами пойдет такое, она знает и поскорей прощается. Хотя лучше бы еще сидела.

Они заглушили мотоциклы и курят на дороге между поворотом и калиткой, никак не обойти. Высокий, с волосами, собранными в короткий светлый хвост, атлетично сложенный — это Кот. Его фамилия Котов, но все зовут его Кот, и в той компании он главный. Его отец живет на улице Первого Мая, а Кот приезжает к нему на лето и каждый вечер с ревом проносится по улицам на своем мотоцикле — тяжело, с блестящими красными боками и надписью

«ИЖ» на бензобаке. На обочине парень пониже, жилистый, будто свитый из веревок, — Дима Крученнов, Крученный, из девяносто второго дома, у него мама работает в магазине. Он тоже на мотоцикле. Еще двоих, плотных, коренастых и курящих, одетых, как близнецы, в одинаковые черные джинсовки, Женя видит впервые.

Обычно она разворачивается, пока ее не видели, и гуляет еще немного, ждет, пока они уедут, но сейчас ей срочно нужно в туалет — чай Лаили Ильиничны просится наружу. Она торопится, старается держаться от мотоциклов и парней подальше, глядит под ноги, на вытертый сотнями ботинок и шин асфальт, на пакет в собственных руках. Как будто если не поднимать голову, то никто Женю не заметит.

Но это не работает. Никогда не работало, на самом деле.

Разговор парней стихает, они все ждут, когда она подойдет ближе. Под их взглядами Женя как будто голая.

Кот заступает ей дорогу. Женя видит край футболки, джинсы, кроссы.

— Смирнова, покажи сиськи! — говорит он со смехом.

— Как отрастила такие? — спрашивает незнакомый Жене парень.

Женя огибает его и едва не наталкивается на третьего.

— Да у нее там лифчик с поролоном.

— Капусты много ела?

Женя ускоряет шаг. Она слышит хруст песка за спиной, сопение. Чья-то рука проскальзывает под ее локтем, ложится на правую грудь и сжимает ее.

— Не поролон! — кричит пацан, как победитель, а Женя мрачным чудищем бежит прочь с поля боя, чувствуя, как ноет сдавленная грудь. Прячется за калитку, ставит на землю пакет с одеждой и лишь тогда разрешает себе заплакать.

Теперь, когда по телику говорят об октябре девяносто третьего, добавляют о каких-то «открывшихся фактах». Показывают дорогу от ВДНХ к Останкино: едут фургоны и автобусы, митингующие приветственно им машут и свистят, гуляют ряженые казаки, а в телецентре уже ждет спецназ и триста двадцать автоматов, пулеметов и винтовок — так говорит ведущий. Потом говорят о Ельцине, показывают, как он спускается по трапу, машет рукой.

Женя не любит Ельцина. Заплывшими глазами он напоминает Жене соседа дядю Митю, а в остальном нет, ведь Ельцин крупный, щекастый и в костюме, а дядя Митя тощенький, с маленькими пальцами и ладонью, перевязанной малярным скотчем, помятый, хоть и старается быть опрятным, с вечно несвежей головой и пылью на черных джинсах. От дяди Мити все время неприятно пахнет, и Женя не заходит в магазин, если видит через стекло его чуть

сторбленную тень. Он мнетя перед прилавком, просит займы у знакомых, потом берет молоко (самое дешевое, в пакете), хлеб (вчерашний), макаронны (мелкая соломка вермишели) и бутылку водки. Иногда, подумав, он возвращается к стойке с алкоголем и берет чекушку коньяка. Голос неуверенный и тихий: «Одну пачку “Явы”, нет, две». Расплачивается смятыми купюрами из тесного кармана джинсов и долго перебирает купленное на столе у выхода, устраивает бутылки в пакете поудобнее, прокладывает их макаронами и молоком, чтобы не стукались, и вечером играет с корешами в карты на лавочке перед своим участком, раскладывая их в зазорах между водкой и стаканами.

Еще Женя не любит передачи о политике, но папа их постоянно смотрит. Он сидит в кресле у окна, в метре от Жени, и вместе с тем он где-то очень далеко. Наверное, в девяносто третьем, среди бывших коллег. Он щурит глаза, будто прицеливается, разминает пальцы. Цыкает, когда в документальной съемке кто-то падает, подкошенный выстрелом. Шторы закрыты, чтобы солнце не бликовало на экране, комната погружена в кофейный полумрак. Жене дико скучно, она бы посмотрела что угодно вместо документальной съемки, хоть «Грозовые камни» или «Вавилонскую башню», которая очень напоминает разговоры бабушки и тети Милы, сплошное «я не могу, ты не понимаешь, я так больше не могу, но я тебя люблю!». Хотя на самом деле нет, бразильское мыло

она бы не включила: когда дома Илья, Женя тщательно выбирает, что смотреть, слушать и читать.

Белый дом уже не белый. Окна верхних этажей разинули черные рты, на фасаде полосами копоть. Поднимается сизый, уже неплотный дым, смешивается с выцветшим небом, потом снова Останкино, военные на бэтээрах.

— Ты говорила, что их видела. — Голос раздается над самым ухом, и Женя вздрагивает.

Илья облокотился на спинку дивана, навис над Женей, смотрит в телевизор. Он перестал пахнуть порошком, пропитался деревенской влажностью и запахом земли. На шее аккуратная родинка чуть выше кадыка. Кадык прыгает, и на миг родинка оказывается на нем как мошка.

— Я плохо помню, — врет Женя, а тепло Илья стекает ей на ухо, шею, по лопаткам к пояснице. Оно становится невыносимым, хочется сдвинуться, отсесть.

Илья будто читает ее мысли и уходит. Тепло удаляется за ним, вытекает из комнаты вместе с телесным запахом пота и земли.

— Пап?

— М-м?

Папа не отрывает взгляда от экрана.

Звон стекол, скрежет дверей телецентра, смятых въехавшим грузовиком. «Мятежники не сдавались», — говорит ведущий. Белые искры выстрелов во тьме и дым, люди бегут, люди лежат на асфальте,

люди оттаскивают труп. Отец цыкает. Звук неприятный, острый, как щелчок ногтя. Услышав его, Женя поспешно проглатывает все, что хотела рассказать, — немного больно, но привычно. Боль приглушает анестетик страха и стыда.

«Президент России, — архивно вещает из телевизора ведущий, а аватар сурдопереводчика повторяет его слова, — выразил глубокое соболезнование родным и близким погибших. Перед лицом трагедии, пишет он, перед памятью погибших мы все задумываемся над истоками и причинами случившегося...»

— Ничего. Потом.

Папа цыкает еще раз и делает телик громче.

Женя встает с дивана, одергивает майку, чтобы не обтягивала слишком, и уходит, смотрит под ноги, на крашенные доски кухонного пола, собственные сандалии с растоптанной потемневшей стелькой, некрашенные доски на веранде, крыльцо, траву, примятую крапиву, хвою, шишки, падалицу со скользкими зелеными боками.

В саду рядом с колодцем мама моет петрушку и салат.

— Подержи шланг, — говорит она, и Женя держит, поливает зелень и красные мамины руки ледяной водой. Мама возится, согнувшись. Она похожа на старушку с крохотным горбом: кожа в пигментных пятнах, волосы, выкрашенные в цвет баклажана, выбились из-под панамы.

— Мам, что мне делать? Ко мне парни пристают.

— Кто? — Мама бросает взгляд через плечо. Вода плещет на петрушку.

— Котов с Первого Мая и его друзья. У нас у калитки стояли сейчас. Я хотела пройти, а они... Говорят про меня всякое.

— Ты нравишься мальчикам, — отвечает мама, не разгибаясь. — Это же хорошо. Вот сюда еще полей немного...

— Mam, они гадкие вещи говорят, мне неприятно.

— На тебе, наверное, был тот топик? Женечка, его давно выкинуть пора, он же тебе мал, все обтягивает.

— Нет, мам, я была в футболке.

Мама выпрямляется, смотрит на Женю с прозрачной безмятежностью.

— Ты пойми, мужчины, они по сути своей охотники, — говорит она так, будто раскрывает Жене великую женскую тайну. — И если ты не хочешь внимания, не надо их дразнить. Ты у нас девочка фигуристая, понятное дело, они смотрят на тебя, обзываются, потому что ты им нравишься.

А ты не провоцируй, говорит она, просто не обращай внимания и папе не рассказывай об этом. Он будет переживать.

Женя кивает, желая уйти уже. И вроде бы мама права, но правая грудь все равно болит.

Мама трясет пучком салата и петрушки, орошая брызгами себя и все вокруг. Женя закручивает кран — тот обжигает пальцы, до того холодный, —